

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

Отпетые плутовки

АВАНТЮРНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Татьяна Викторовна Полякова
Отпетые плутовки
Серия «Авантюрный детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123006
Отпетые плутовки: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-16817-0*

Аннотация

Обидно стать соучастницей собственного похищения, не догадываясь об этом. Но вдвойне обидней узнать, что человек, которого ты полюбила, просто талантливый мошенник, обобравший твоего отца. Но Маша не была бы сама собой, если бы не сумела полной мерой отплатить коварному обманщику и, в свою очередь, с помощью закадычной подружки похитить у него не только деньги, но и нечто большее...

Содержание

Татьяна Полякова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Татьяна Полякова

Отпетые плутовки

Конечно, глупо было тащиться на дачу в такое время. Я поняла это, когда начался дождь. Накрапывать стало, как только я выехала из города. Небо серое, мутное, я в машине поежилась и включила печку, тогда и подумала: «Кой черт я туда еду?» Можно было вернуться. Честно говоря, вернуться очень хотелось. Выпить чаю и лечь в теплую постель. И наплевать на Димку, пусть говорит что угодно. Если бы у меня ума было побольше, так бы и сделала, но, видно, бог обделил меня разумом, зато упрямством наградил ослиным, и я продолжала ехать вперед, вглядываясь в темноту за лобовым стеклом. А дождь потихоньку разошелся и где-то на полдороге перешел в тропический ливень. Теперь моя затея выглядела просто дурацкой.

Дача находилась в глухой деревушке, в сорока пяти километрах от города, причем из этих сорока пяти километров три надо было пилить по проселочной дороге. Я представила, что там сейчас творится, и всерьез засомневалась: удастся ли мне сегодня заночевать под крышей. Да если и доберусь, радость небольшая: в доме холодно, сыро. Можно, конечно, податься к соседке, тете Кате, она будет рада. Выпить чаю из самовара, потом забраться на печку и слушать дождь

за окном. Я взглянула на часы: девять. Если дорогу не размыло, через полчаса буду в деревне, тетя Катя смотрит телевизор до десяти.

Тут с «дворниками» что-то случилось, я чертыхнулась, пощелкала включателем, «дворники» заработали, но как-то подозрительно неритмично. Мне опять захотелось вернуться. Необязательно домой, можно к папе. Я вздохнула. Конечно, придется объяснять, почему явилась на ночь глядя. Папа расстроится. Димку он терпеть не мог, хотя от меня это скрывал. Однако на прошлой неделе папа не выдержал и после очередной нашей с Димкой ссоры сердито заявил: «Я твоему мужу морду набью», – что было на моего отца совершенно не похоже.

Надо признать: с Димкой мы жили плохо. Выходить за него замуж мне не следовало, хотя, если разобраться, не последнюю роль в этом браке сыграл отец.

Отца я всегда очень любила. Мама вечно была занята в школе: сначала учительницей, потом завучем, а затем и директором. Может, она и в самом деле была замечательным педагогом, но на меня у нее времени не хватало. Сколько помню себя, мама приходила домой усталой, падала на диван и говорила: «У меня сил осталось – еле-еле телевизор посмотреть». Зато у отца для меня всегда было время: и на рыбалку с собой возьмет, и на лыжную прогулку, а на концерте в музыкальной школе он всегда сидел в первом ряду: огромный, веселый, добрый.

Вообще, детство у меня было счастливым. До восьмого класса. Когда я перешла в восьмой, отца посадили. Трудно объяснить, что я пережила тогда. Было это чудовищно, в особенности то, что мама сразу же развелась с отцом. Она кричала: «Жулик, ворюга бессовестный, опозорил семью, пусть сгниет в тюрьме!» Для меня отец стал страдальцем и едва ли не героем, что-то среднее между Робин Гудом и Котовским. Я писала ему длинные письма, ждала почтальона, ревела, если ящик оказывался пустым, и целовала конверт, подписанный отцовской рукой. Мне было наплевать, что о нем говорят другие, я-то знала: он лучше всех.

Маму все это злило чрезвычайно, очень скоро начались скандалы, в которые охотно встревал отчим (мама через полгода после ареста отца вышла замуж), потом у меня появился брат, в общем, в восемнадцать лет я оказалась в квартире отчима, предоставленная самой себе. Я училась в институте, по вечерам мыла полы в поликлинике, откладывала каждую копейку и с нетерпением ждала, когда вернется отец. Наконец этот день настал.

Я поехала встречать отца. Перед этим неделю бегала по магазинам и выбирала ему одежду – на это ушли почти все мои сбережения. Я и помыслить не могла, что он появится в городе в чем-то старом или, спаси бог, в тюремном. Боялась, что в этом случае он будет чувствовать себя неловко. Как только я его увидела, все это мне показалось страшной чепухой: отец мог быть одет во что угодно, хоть в полосатую ро-

бу, он все равно оставался самим собой. Он был лучше всех.

– Пап, – заревела я, а он подхватил меня на руки, целовал, смеялся как сумасшедший и нес на согнутом локте, как в детстве, пока я, пряча лицо на его груди, не попросила, шаля от счастья: – Отпусти.

– Здравствуй, Мальвинка, – сказал он. Вообще-то меня Машкой зовут, но отцу больше нравится так.

И стали мы жить вдвоем. Это время было самым счастливым в моей жизни, хотя поначалу возникло много проблем: отцу трудно было устроиться на работу, соседи злословили, да мало ли всего... Главное, мы были вместе. Отец был счастлив, я это видела, чувствовала и порхала, словно на крыльях.

– Слушай, – сказал он однажды. – Не пора ли тебе замуж?

– Избавиться от меня хочешь, сбить с рук?

– Нет, котенок, не хочу. По мне, век бы так жить, только молодой девушке нужен возлюбленный, а у тебя что? Женька, Игорь, телефон целый день трещит, а в кино табуном идете.

– Игорь мне нравится, – сказала я.

– Тащи сюда, я на него посмотрю.

Папа посмотрел и добродушно изрек:

– Неплохой парнишка, только...

Этого «только» как раз хватило на то, чтобы Игорь потерял для меня всякую ценность. В парнях у меня недостатка не было, но как-то так всегда выходило, что рядом с от-

цом они выглядели невзрачно. А время шло. Институт был позади, на работе поначалу мужчины на меня охотно поглядывали, но и им это вскоре надоело, папа тревожился, и я, вдруг испугавшись, твердо решила выйти замуж за первого приличного парня, рискнувшего сделать мне предложение.

Тут и подвернулся Димка. Был он самым стойким моим поклонником, еще с третьего класса. Мы вместе учились в школе, потом в институте. Он предложил, и я согласилась. Папа сказал:

– Вот и хорошо. – Но счастья в его глазах не было, как не стало счастья и в моей жизни. Наше с Димкой супружество не задалось с самого начала. И камнем преткновения стал мой отец.

– Откуда у него деньги? – начинал Димка бесконечный монолог. – Допляшется, опять сядет. Ты хоть знаешь, чем он занимается, этот твой Павел Сергеевич?

Тут меня обычно прорывало:

– Он не мой Павел Сергеевич, он мой отец, чтоб ты знал.

Больше всего меня злило, что от отцовских денег Димка не отказывался. Двухкомнатную квартиру нам купил отец, и обстановку, и машину, и даже гараж. Димка воспринимал это как должное, но отца иначе как бандитом не называл.

Уже сколько раз я всерьез думала о разводе. Ссорились мы все чаще, слова, произносимые при этом, становились все обиднее, пока три недели назад Димка в бешенстве не дал мне пощечину. Что-то во мне разом оборвалось. Я уеха-

ла к отцу, плакала, хотя сказать правду постеснялась, отец сидел хмурый, непривычно молчаливый, а потом заявил:

– Я твоему мужу морду набью.

На следующий день Димка встретил меня с работы, просил прощения, даже плакал. Я простила, но за эту пощечину перестала его уважать. Стал он для меня кем-то вроде капризного ребенка: и утомительно с ним, и жалко.

Несколько дней Димка держался, скандалы вроде бы прекратились, только ненадолго. Сегодняшний вспыхнул из-за Юльки. Юлька, подруга отца, была старше меня на три года, мы с ней сразу подружились, а потом и вовсе стали закадычными подругами. Отца она очень любила, уже год они жили вместе, и ничего плохого я в этом не видела. Димку же это злило чрезвычайно. Юльку он и за глаза, и в глаза иначе как содержанкой не называл, на что она неизменно отвечала: «Лучше быть содержанкой Павла Сергеевича, чем женой такого осла, как ты». Димка выходил из себя, а Юлька смеялась.

Ко всем моим несчастьям прибавилось еще одно: меня сократили на работе. Работник я, по моему собственному мнению, была неплохой, а потому было вдвойне обидно. Вызвал меня начальник, горестно вздохнул и сказал:

– Машенька, пойми правильно: у Светки двое детей, Ольга с ребенком без мужа, Нине Сергеевне четыре года до пенсии, а сокращать кого-то надо. Ты у нас не бедствуешь, детей у тебя нет, что прикажешь делать?

Пришла домой, реву от обиды, а Димка мне:

– Теперь домохозяйкой станешь? Бассейн, шейпинг, сауна с Юленькой на пару.

Я хлопнула дверью – и к отцу. Папа меня обнял, Юлька заварила чай, и мы втроем повозмущались всеобщей несправедливостью. Потом папа сказал:

– Не переживай. Найдем работу. Я поспрашиваю. Не торопись подыщем что-нибудь путное. О деньгах не думай.

– Меня Димка со свету сживет, – мрачно предположила я.

– Твой Димка пусть лучше начнет деньги зарабатывать, а потом уж со свету сживать, – сказала Юлька. – Что хочешь говори, а парень он никчемный.

– Перестань, – перебил папа. Юлька замолчала, но чувствовалось, что она много чего еще хотела сказать в Димкин адрес.

Муж приехал за мной часов в девять, в квартиру не вошел и вообще вел себя по-дурацки.

– Останься, – шепнула мне Юлька, но я покачала головой.

Папа стоял в дверях и смотрел на нас, лицо у него было сердитое.

Потому сегодня я к ним и не поехала. Что отца лишний раз расстраивать? Не по душе ему было мое замужество. Первые месяцы после свадьбы он шутил:

– Когда меня дедом сделаешь? – А теперь спрашивал едва ли не со страхом: – Ты не беременна? – И облегченно вздыхал, услышав «нет».

Долго такая жизнь продолжаться не могла, даже Димка это чувствовал, но остановиться уже не мог. О чем бы мы ни говорили, все неизменно сводилось к одному: твой папаша – уголовник. Иногда я с ужасом ловила себя на мысли, что совершенно серьезно желаю Димке провалиться к чертовой матери.

Впрочем, сейчас он не казался мне таким уж скверным мужем. Я стала вспоминать его положительные качества, вновь подумала о проселочной дороге, по которой предстояло проехать на моих «Жигулях», и тоскливо вглядывалась в сумрак хмурого апрельского вечера. Дорога шла через лес, высокие сосны выглядели мрачно, и я всерьез подумала вернуться, вот тут-то машина и заглохла. Промучившись минут десять, я с тоской поняла, что заводиться она не собирается. Такое случалось и раньше, только не в дождь, в лесу, на дороге, где и днем движение не бог весть какое, а вечером и вовсе ни души. Обычно всегда находились помощники, однако сегодня на них рассчитывать не приходилось. Я включила приемник, прослушала пару песенок, утешая себя тем, что кто-нибудь все равно поедет мимо и поможет.

К одиннадцати я стала свыкаться с мыслью, что заночевать придется здесь. Ночи холодные, до ближайшего села километров восемь, да и кто меня пустит в такое время? Чертыхнувшись, я вышла из машины и подняла капот. Дождь лил как из ведра, и я сразу промокла. Под капотом не было ничего интересного, единственное, что я могла, – проверить

клеммы на аккумуляторе, что я и сделала, само собой, без всякой надежды на успех.

Из-за дождя я не услышала шагов и, скорее даже не увидев, а почувствовав присутствие человека, подняла голову и замерла с открытым ртом: рядом стоял здоровенный детина в куртке с капюшоном. Лица его в темноте я не разглядела, но было в этом появлении что-то настолько зловещее, что сердце мое жалко екнуло и куда-то провалилось. Полминуты мы стояли молча, не двигаясь. Руки он держал в карманах: ни сумки, ни удочки – ничего, что указывало бы на то, что может делать человек в это время на пустынной дороге в лесу.

– Ну, что там? – спросил он. Голос низкий, неприятный. Я дернулась и глупо сказала:

– Не знаю.

– Дай посмотрю.

Он сунул голову под капот, а я замерла рядом, вглядываясь в темноту с надеждой, что сверкнут фары и появится машина. От хлопка капота я едва не подпрыгнула.

Он зашел с правой стороны, открыл дверь, согнувшись чуть ли не пополам, сунул мощные плечи в машину и повернул ключ. Мотор заработал. Я не знала, радоваться этому или нет.

Кажется, он разглядывал меня в темноте, сердце мое вернулось из пяток, но ритмично стучать не спешило.

– Ты куда едешь? – спросил он, опершись на дверь.

– В Гаврилово, то есть не совсем туда, мне сворачивать в сторону, – торопливо ответила я.

– Годится.

Он сел на водительское сиденье и открыл дверь мне.

– Садись. – Пока я пыталась что-то сказать, он хмуро заметил: – Я думал, ты промокла.

Словно в трансе, я села рядом. Зубы у меня стучали так громко, что в другое время я бы засмеялась, только не сейчас. Капюшон он не снял, и лица его я по-прежнему не видела, но и так чувствовала, что человек он опасный. Это ощущение было настолько острым, что я едва сдержалась, чтобы не закричать и не выпрыгнуть из машины. Он молчал, и я молчала, искоса разглядывая его. Голосил приемник, а дорога была по-прежнему пустынной. Тут я вспомнила утреннее сообщение по радио о бежавших из тюрьмы троих заключенных и в ужасе уставилась на моего попутчика. Ничего нового я не увидела: капюшон и серое пятно лица.

– Вы в Гаврилово живете? – стараясь быть спокойной, спросила я.

– Нет.

– Там у вас родственники? – Мне и так было ясно, что никаких родственников у него нет, но я продолжала расспрашивать: звук собственного голоса успокаивал.

– Нет, – опять ответил он.

– А, значит, вы едете дальше?

– Вроде того.

Я сунула руки в карманы, чтобы не видеть, как дрожат пальцы. Если ему нужна машина, он мог уехать сразу... А если это маньяк, завезет куда-нибудь... но ведь мы были в лесу, тридцать метров в сторону – и ни одна живая душа не найдет... Господи. Мне стало нехорошо, я приоткрыла окно, стараясь дышать ровнее. Холодные капли падали на лицо, я закрыла глаза и попыталась молиться.

– Где сворачивать? – спросил он. Я с тоской посмотрела на редкие огни в селе и, запинаясь, сказала:

– Вообще-то, я хотела заехать...

– Сворачивать где? – опять спросил он. Голос звучал грозно.

– Вот здесь, направо, – сказала я, пытаюсь сообразить, чего он хочет. Дорога была вполне сносной, видимо, дождь начался здесь недавно, и вскоре я увидела единственный зажатый в нашей деревне фонарь.

– Здесь? – спросил он.

– Здесь, – торопливо кивнула я и брякнула: – Третий дом.

У тети Кати залаяла собака, а мы затормозили. Он запер машину и сунул ключи в свой карман, я топталась рядом.

– В доме кто? – спросил он. Врать было бессмысленно.

– Никого.

– Местечко класс. Пошли.

Он пошел впереди, я за ним. Конечно, я могла кинуться к соседке и перепугать ее до смерти или броситься в крайний дом к Семену Дмитричу, дедку, помнившему гражданскую.

В семи наших домах было пять жителей, не считая летних дачников, а какие сейчас дачники? Я рассматривала спину перед собой и думала, стараясь себя утешить, что если бы этот тип хотел меня убить, то давно сделал бы это. Мы вошли в дом, я включила свет и затопталась у порога, не зная, чем себя занять.

– Пожрать есть что-нибудь? Собери. И одежду сухую дай, вымок весь.

Я кинулась к шифоньеру искать старые Димкины джинсы и свитер, а потом засуетилась на кухне. От газа и электрокамина в кухне стало тепло, я стащила куртку и аккуратно ее развесила, думая при этом, что мне тоже не мешало бы переодеться, но входить в переднюю я не рискнула и грелась возле плиты. Хлеба не было, зато была картошка, печенье, консервы и чай. Приготовление ужина заняло чуть более получаса. Я собрала на стол, прикрыв кастрюлю с картошкой полотенцем, чтоб остывала медленней.

– Все готово! – отважно крикнула я.

Он вышел из передней, на секунду задержавшись на пороге, словно давая возможность рассмотреть себя. Димкины джинсы ему не налезли, он остался в своих, свитер туго обхватывал мощную грудь и здоровенные ручищи, рукава едва прикрывали локти. Выглядело это почему-то страшно. Бычья шея выпирала из выреза и венчалась по-тюремному остриженной головой с очень неприятной физиономией: тяжелая челюсть, короткий нос, взгляд исподлобья. Тип тоже

меня разглядывал. Я затопталась возле стола и с трудом выдавила из себя:

– Садитесь.

Бежавшие уголовники не шли из головы. Если есть классический тип убийцы, то вот он, передо мной, только топора в руках не хватает. Я поежилась.

– Ты меня не бойся, – неожиданно сказал он. – Я безобидный. – И улыбнулся, а я поразилась, как мгновенно переменялось его лицо. Улыбка была по-мальчишески дерзкой, а в глазах заплясали веселые чертенята. – Как тебя звать? – спросил он.

– Маша. Послушайте, у вас неприятности?

– Ага. Вроде того. Поживу у тебя пару дней. Я смиренный. – Черти в его глазах заплясали еще задорней.

– Но... – Злить его мне совсем не хотелось. – Понимаете, мне завтра надо быть дома, собственно, я и приехала сюда на полчаса, вещи забрать. – Звучало все это очень глупо, но ничего умнее в голову не приходило. – Муж будет беспокоиться и приедет утром, так что...

– Муж, значит? – спросил он, запихивая в рот картошку. – Что ж, муж – дело хорошее. С мужем решим завтра.

– Слушайте, если вам нужна машина или деньги, у меня немного, но... берите, честное слово, я никому ничего не скажу.

– Вот это правильно, потому что, если вдруг передумаешь, – он стиснул кастрюлю здоровенными ручищами, и она

неожиданно легко смялась, – вот это я сделаю с твоей головой. Здорово, да?

Черти в его глазах исполняли сумасшедший канкан.

– Здорово, – ошалело согласилась я. – А обратно нельзя?

– Можно, – кивнул он и разогнул стенки кастрюли, правда, лучше выглядеть от этого она не стала. Вид изувеченной кастрюли в сочетании с лихой улыбкой на подозрительной физиономии окончательно убедили меня в том, что передо мной опасный псих. Я кашлянула и спросила:

– А как зовут вас?

– Сашкой зови. И не выкай, смешно.

Психов злить нельзя, это я знала точно и с готовностью кивнула.

– Чай будешь?

– Буду. А водки нет?

– Нет.

– Жаль. Не помешала бы по такой погоде. Водку-то пьешь, Марья?

– Не пью.

– Заметно. Скромница. И муж не пьет? – Черти в его глазах продолжали резвиться.

– Не пьет.

– Молодец. А дети у тебя есть?

– Нет.

– Что ж так?

– А вот это не твое дело, – не выдержала я.

– Точно. Не мое. А ты ничего, храбрая.

– Сам сказал, чтоб не боялась.

– И не бойся. Чего меня бояться. Я тихий... когда водку не пью. – Он подмигнул и добавил: – Наливай чаю.

Было все это непередаваемо глупо и нелепо, я продолжала его разглядывать, пытаюсь понять, чего стоит ждать от жизни в ближайшее время, а он вдруг спросил:

– Волосы крашеные?

– Нет, – растерялась я.

– Надо же, свои.

– У меня все свое, – опять разозлилась я.

– Ну, это надо проверить.

Я прикусила язык, а черти из его глаз нахально строили мне рожи.

– Ладно, – поднялся он. – Показывай, где лечь.

Я опять засуетилась. Застилала кровать и осторожно за ним наблюдала. В общем-то, он мог быть кем угодно, хотя сейчас я склонялась к мысли, что он один из бежавших из тюрьмы типов. Я смотрела, как он двигается по комнате, разглядывая нехитрые пожитки. Он взглянул через плечо, заливчатски улыбнулся и насмешливо проронил:

– Постель, как на свадьбу, стелешь.

– Слушай, – решительно сказала я. – Это нечестно. Мы в глухой деревне, личность ты темная, мне и так страшно, так что пугать меня необязательно.

– Да это я так, не обращай внимания, – усмехнулся он. –

Шучу. Что уж, пошутить нельзя?

– Хороши шутки, – пожала я плечами и пошла из комнаты.

– Ты куда? – поинтересовался Сашка.

– В туалет.

– Дело нужное, пойдем, покажешь, где этот объект находится. И еще, на всякий случай, сплю я чутко, так что решишь удрать – хорошо подумай.

Я почти не спала, смотрела в потолок, вслушиваясь в дыхание на соседней кровати. Среди ночи он неожиданно что-то забормотал, тревожно и торопливо, слов я не разобрала. Психи, по моим понятиям, вполне могли так бормотать во сне. Покоя мне это не прибавило. С другой стороны, хорош маньяк, спит себе преспокойно, меня не трогает. И улыбка у него хорошая. Хотя почему убийца непременно должен быть уродом, вот как раз такие, с хорошей улыбкой, и режут людей в темном переулке.

Под утро я все-таки уснула, а когда открыла глаза, в окно светило солнышко, было весеннее утро и бояться не хотелось. Вчерашний вечер казался глупой выдумкой. Я посмотрела на соседнюю кровать: пуста и аккуратно застелена. Я вскочила и подбежала к окну: машина стояла там, где ее оставили вечером. Может, мне все приснилось?

Я оделась и направилась в кухню. На плите стоял чайник и радостно хрюкал крышкой. Чайник я выключила и пошла

на улицу. Во дворе Сашка, голый по пояс, обливался водой из ведра. Я поежилась, запахнула куртку и стала его разглядывать. Сашка выпрямился, взял полотенце и стал им растираться. Тут и меня заметил.

– Здорово, Марья, – сказал он с улыбкой и пошел к дому, закинув за шею полотенце и вытирая лицо.

– Здравствуй, – ответила я. – Чайник вскипел.

– А вот это хорошо. Пошли чайку попьем. Как тебя по батюшке?

– Павловна.

– А что, Марья Павловна, – спросил он, когда мы пили чай, – в селе телефон есть? Мне в город позвонить надо.

– Есть. На почте.

– Хорошо. Чайку попьем и поедем на почту.

– Послушай, – начала я, стараясь придать голосу наибольшую убедительность. – Отпусти меня. Можешь жить здесь, сколько хочешь, и машину бери, и деньги, а я про тебя никому не скажу, честно.

– Ага. Я тебя отпущу, а ты к ментам побежишь.

– Не побегу. Поверь, я правду говорю.

Сашка покачал головой:

– Я себе и то не каждый день верю. Поживешь со мной немного.

– Муж будет беспокоиться.

– Я тебе оправдательную записку напишу. Не бойсь. И вот еще что, Марья Павловна, мордашка у тебя очень красивая,

грех такую портить, так что не нарывайся и о кастрюльке помни.

– Я буду молчать, только отпусти.

– Отпущу, на что ты мне. Но попозже. Поехали.

На почте не было ни души, за исключением сидящей за стойкой Людмилы Ивановны. Я подошла к ней, а Сашка стал звонить, при этом стоял лицом ко мне и зорко поглядывал. Я болтала с Людмилой Ивановной, безуспешно пытаюсь найти выход из дурацкого положения. Я могла написать записку и передать ей. Женщина она неглупая и должна сообразить. Я покосилась на Сашку, прислушиваясь к тому, что он говорит. В этот момент он как раз объяснял кому-то, как проехать к нашей деревне, и следил за мной. Это ясно, стоит мне сделать что-то подозрительное, по его мнению, и голова моя будет напоминать кастрюлю. Рискнуть? Я опять на него покосилась. Черты из Сашкиных глаз исчезли, смотрел он холодно и зло, и я снова подумала, что человек он, безусловно, опасный.

Он закончил разговор, я попрощалась, и мы вышли на улицу. Меня неудержимо тянуло к людям. Не может он убить меня белым днем на глазах у граждан. Или может?

– Зайдем в магазин, – сказала я. – Хлеба купим, еще что-нибудь.

– Возьми-ка меня под руку, Марья Павловна, и помни, что я тебе говорил.

Я долго толклась в магазине, рассыпала сдачу, перекладывала покупки, но закричать, попросить о помощи так и не рискнула.

Возле дома нас поджидала тетя Катя.

– Маш, ты семян привезла? – поздоровавшись, спросила она.

– Привезла, пойдёмте.

Мы вошли в дом, я стала выкладывать семена и все думала: что же мне делать? Присутствие соседки успокаивало, и я пригласила ее пить чай. Мы с тетей Катей чаевничали, а Сашка чистил картошку и скалил зубы.

– А Дима-то что не приехал? – спросила тетя Катя.

– Сегодня должен, ждем. У нас на дворе проводка сгорела, вот привезла Сашу, он мастер, починит.

– А я смотрю, с утра машина под окошком, думаю, приехали, а пока со скотиной возилась, вас уж нет.

– В село ездили.

– А Дима-то автобусом или с Павлом Сергеевичем?

– Автобусом хотел, вот ждем.

Тетя Катя покосилась на Сашку, тот радостно улыбнулся и спросил:

– Скотину держите?

– А как же, без скотины нельзя.

– Это точно. У меня тетка в деревне, старенькая, а корову не сдает. Тяжело, сена сколько надо.

– Да полбеды, если покос рядом, а то ведь на горбу не на-

носишься.

С полчасика они беседовали таким образом, и соседка прониклась к Сашке симпатией. Конечно, про тетку он врал, но выходило у него складно, даже я усомнилась, может, и не бандит он вовсе? Тетя Катя ушла, а я принялась готовить обед, Сашка мне помогал, насвистывал что-то, ухмылялся и выглядел вполне безопасно. Мы сели обедать, когда появился Димка. Возник на пороге и замер с открытым ртом, уставившись на Сашку.

– Не слабо, – наконец проронил он. – Вот, значит, в чем дело.

– Дима, – начала я испуганно, но натолкнулась на Сашкин взгляд и замолчала.

– Хороша, – продолжил муж. – Обнаглела вконец. Есть у кого. Ты... – повернулся он к Сашке, тот ослабил, а Димка заткнулся.

– Поттише, паренек, – произнес мой гость со злой ласковостью. – Я на голову выше тебя и килограмм на двадцать тяжелее, показательный бой устраивать не рекомендую, потому как я тебе шею сверну. Так что до свидания.

Я затравленно переводила взгляд с одного на другого.

– Дима, – начала почти шепотом. – Я тебе объясню...

– Не трудись. – Он еще немного потоптался возле порога и резко бросил: – Ухожу! Буду жить у мамы.

Хлопнул дверью и исчез, а я заплакала. Сашка продолжал есть суп.

– Помирись, – сказал. – Чего ревешь-то. А и не помирись, другого найдешь. Такая баба без мужика не останется.

– Заткнись, – сказала я.

– Любишь мужа-то?

– Не твое дело.

Тут я вдруг поняла, что скорее всего стала свободной женщиной, с Димкой и в доброе время говорить было трудно, а уж в данной ситуации просто невозможно. Я вытерла слезы и взяла ложку.

Часов в пять у нас появились гости. Подкатил «жигуленок», и из него вышли два типа очень подозрительной наружности. На крыльце, где их встречал Сашка, они долго трясли ему руку, хлопали по плечам и даже обнимались. Вид все трое имели бандитский. Увидев меня, мужики присвистнули:

– Ну, Саня, даешь. Где ты ее нашел?

– На дороге. Пришлось подобрать. Марья, собирай на стол, гости у нас.

На столе появились бутылки и закуска. Мужики сели, приглашали меня, хватая за руки, но Сашка неожиданно вступился:

– Она скромница, водку не пьет. – И кивнул мне: – Иди в переднюю.

Я забила в угол дивана, чутко вслушиваясь в разговор. Никакого сомнения у меня больше не было: на моей кухне

пили уголовники. То, что их трое, наводило на мысль о бежавших. Их ищут, они прячутся, и в такой ситуации жизнь моя, пожалуй, стоит недорого. Я подошла к окну: рамы двойные, вынуть их можно, но шум услышат в кухне, после этого меня могут запереть в подвал или попросту убить.

Я вернулась на диван. Веселье в кухне нарастало. Матерщина, тюремный жаргон, пьяные выкрики. Запели «Таганку» и ударились в воспоминания.

У меня разболелась голова. Лучше всего лечь спать. В комнате я устроиться не рискнула, безопаснее в чулане, от этих подальше, и дверь там на крючок запирается, хотя какой тут крючок... Я взяла белье, одеяло с подушкой и вышла в кухню. Сашка на меня покосился.

– Куда?

– В чулан. Спать хочу.

Он встал, проводил меня и позаботился, чтобы я не смогла удрать: все заперто и ключи у него. Окошко в чулане – собака не пролезет. Я заперлась и легла. Было холодно, пьяные выкрики доносились и сюда, уснуть не получалось. Часам к двум в доме стало тихо. Не успела я вздохнуть с облегчением, как услышала шаги и стук в дверь.

– Кто? – спросила испуганно.

– Я это, – ответил Сашка. – Открой.

– Зачем, уходи. – Я силилась придать твердость своему голосу, но он предательски дрожал.

– Открой, дура, – зло сказал Сашка. – Не трону я тебя.

– Не открою. – Я вскочила, намертво вцепилась в ручку двери и стала тянуть ее на себя.

– Слушай, больная, – вздохнул он за дверью и вроде бы даже покачал головой. – Я тебе русским языком говорю: ты мне без надобности.

– Ага, – не поверила я.

– Ага, – передразнил он. – Твой крючок дурацкий и секунду не продержится.

Что верно, то верно. Я подумала и открыла. Сашка ввалился в чулан, мотало его здорово.

– Здесь спать буду, – заявил он. – Так лучше. Для тебя.

И бухнулся на кровать. Через минуту он уже спал.

Я заперла дверь на жалкий крючок и села рядом с Сашкой. Где-то через час смогла убедить себя в том, что Сашка в самом деле спит, а не прикидывается, и, косясь на него с опаской, обшарила его карманы. Ключей не было, так же, как не было документов или чего-либо еще, что навело бы на мысль, кто он такой. Ясно, что ключи в доме, но идти в кухню я не решилась, а вдруг эти не спят?

Просидев с час и изрядно озябнув, я взяла подушку, переложила ее к Сашкиным ногам и легла к стене. Водкой от него несло за версту, к тому же он начал храпеть, а среди ночи опять забормотал, я чутко вслушивалась, но поняла только одну фразу: «Голову, голову ему держи» – или что-то в этом роде. Ноги у меня были ледяные, я тянула на себя одеяло, а потом прижалась к Сашке. Было стыдно, но так теплее.

Утром мужики сели опохмеляться. Вид имели мятый, угрюмый, были молчаливы, но, выпив и закусив, развеселились опять. У меня с утра болела голова, я готовила за перегородкой и думала, во что умудрилась вляпаться.

К обеду один из гостей, звали его Витюней, съездил в магазин и привез водки, веселье пошло по нарастающей. Меня усадили за стол, звали хозяйкой и потчевали водкой. Чтобы отвязаться, я выпила стопку.

Мужики выходили покурить на улицу и, вернувшись, не заперли дверь, поэтому Димка вновь появился неожиданно.

– Что ж тебе дома-то не сидится, паренек? – спросил Сашка. Димка таращил глаза, потом, запинаясь, спросил:

– Это что вообще такое?

Я подошла к нему.

– Дима, ты бы ехал домой, а? Я тут с друзьями. – Я смотрела в его лицо и молилась, чтобы он понял. – Ты, Дима, сразу к папе заскочи, объясни, что я здесь, с друзьями. Скажи, Маша праздник устроила, приехать никак не может. Я должна была навестить его, а теперь никак не могу. Предупреди.

Димка таращился на меня во все глаза.

– Ты слышишь, Дима? – ласково спросила я. В глазах его мелькнуло понимание, и он попятился к двери. За моей спиной возник Сашка, обнял меня за плечи, а Димка пошел пятнами и заорал:

– Обнаглела совсем! – И выскочил из дома.

Сашка заглянул мне в глаза, я разом почувствовала себя очень неудобно, в глубине его глаз было что-то холодное и беспощадное, а я поняла, что не так он пьян, как старался казаться.

– Чего ему надо было, я не понял? – удивился Витюня, с трудом продрал глаза.

– Дурачок какой-то, – ответил Сашка.

Через полчаса возле окон затормозил мотоцикл с коляской, и в доме появился участковый Иван Петрович. Участковым он был еще во времена моего детства, когда я приезжала к бабуле на каникулы. Человек Иван Петрович добродушный и в селе уважаемый.

Первым чувством, возникшим при виде участкового, была досада, что Димка такой дурак. Потом пришел страх. Я кинулась к дверям.

– Здравствуй, Маша, – сказал Иван Петрович. – Чего тут муж жалуется?

– О, мента черт принес, – пьяно пробормотал Витюня.

– У Димки с головой не в порядке, – глотая ком в горле, сказала я. – Привиделось чего-то. У нас тут... праздник, одним словом.

– Праздник? Это дело хорошее. А с мужем ссориться ни к чему. Так, граждане, давайте-ка документики проверим.

– Чего он хочет? – опять спросил Витюня. – Ну, мент, ну дает. Ты чего в дом врываешься? Тебя звали?

– Иван Петрович, – торопливо заговорила я, – ребята при-

ехали со мной из города, выпили, с кем не бывает. Сами знаете, проспят, поумнеют, не обращайте внимания, пожалуйста.

Тут по-кошачьи мягко подошел Сашка.

– Все выяснил, дядя? Вот и топай отсюда по-доброму.

Я взглянула на Сашку и слегка попятилась, сообразив, что самым опасным из троих был он. Иван Петрович до трех считать умел и сообщение о побеге из тюрьмы, безусловно, слышал; больше всего я боялась, что он решит стать героем, однако мудрость перевесила.

– Ну что ж, – примирительно произнес он. – Догуливайте. До свидания, Маша.

Повернулся и ушел. На негнущихся ногах я пошла за перегородку выпить воды и дожидаться, когда зубы перестанут стучать. За столом шел спор.

– Мотать надо, – сказал Сашка. – Мент дотошный, явится, и не один.

– А чего ему надо, а?

– Документы.

– Так дай ты ему документы, пусть полюбуется. Документы... Чего ты, Саня? Выпьем, брат, забудь про мента.

Сашка ушел в переднюю, пробыл там минут десять и заглянул ко мне за перегородку.

– Куртку накинь, выйдем, – сказал он сурово. Уже на улице спросил: – Деньги у тебя где?

– Здесь, – заторопилась я, вынимая кошелек.

– Хорошо. Потопали, Марья Павловна.

Мы пошли огородом. За небольшим полем начинался лес, туда мы и направились.

– Куда мы идем? – испугалась я.

– В настоящий момент в направлении деревни Колываново.

– А зачем? – силясь хоть что-нибудь понять, спросила я.

– А затем. Сейчас дедок ментов притащит. Не хочу я с ними встречаться, аллергия у меня на них.

Тут я заметила, что Сашка прихватил мой старенький атлас области, я о нем и думать забыла, а он, смотри-ка, нашел.

– Я не пойму, зачем мы туда идем? – вприпрыжку двигая с ним рядом, задала я вопрос.

– На спрос, а кто спрашивает, с тем знаешь, что бывает?

– А чего ж на машине не поехали? – не унималась я.

– До первого поста? Нет, ножками надежнее.

– Да куда я не пойду.

– А вот это зря, Марья Павловна, смотри, как бы бежать не пришлось.

Посмотрев на него внимательно, я была вынуждена признать, что такой вариант очень даже возможен, и, вздохнув, ускорила шаги. До Колыванова мы дошли, но в деревню заходить не стали.

– Скажешь ты мне, куда мы идем? – не выдержала я.

– На что тебе?

– Как на что? Ты чего друзей-то бросил?

– Одному легче.

– А я?

– А ты про запас.

– В заложницы взял, что ли? – данное предположение мне самой показалось глупым.

– Детективов много смотришь, – хмыкнул он.

– Сашка, а ты меня не убьешь? – на всякий случай спросила я.

– Убью, если со всякой дурью лезть будешь.

– Хороша дурь. Ну вот, к примеру, куда ты меня тащишь и зачем?

– Я тебя в город тащу. Придем в город, и топай домой на здоровье, а в деревне не оставил, потому как неизвестно, что дружки с пьяных глаз сотворят, когда ментов увидят. Прояснилось в голове-то, Марья?

– Не знаю. Может, ты и правду говоришь, а может, врешь, – вздохнула я, но, если честно, бояться перестала... Так... самую малость.

Сашка зашагал веселее, пришлось и мне. Я немного от него поотстала, да и разговаривать на ходу не очень удобно. В общем, километров пять шли молча. Тропинка вывела к шоссе, и вскоре из-за высоких лип показалась деревня, небольшая, домов тридцать. Здесь был магазин, и в настоящий момент он работал.

– Пойдем, купим поесть, – сказал Сашка, сурово нахмурился и добавил: – И помни...

– Да помню я, надоел уже.

В магазине ни души, только мухи летали, жирные, было их штук сорок, не меньше. Мы постояли у прилавка, потомились, Сашка зычно крикнул:

– Хозяйка! – А я продолжила наблюдение за мухами.

Наконец из подсобки вышла деваха лет двадцати пяти. Завидев Сашку, широко улыбнулась, но тут разглядела меня из-за его плеча и разом приуныла. Мы купили колбасы, хлеба, три бутылки пива, сложили все это в пакет и отправились дальше.

Ближе к вечеру пошли вдоль дороги. Движение оживленное, то и дело машины мелькают, рядом совсем, метров триста. «Бегаю я неплохо, выскочить на дорогу, остановить машину?» – пришла мне в голову мудрая мысль. Я покосилась на Сашку: шел он сосредоточенно, о чем-то размышляя, вроде бы начисто про меня забыв. Это обстоятельство придало мне силы. Я набрала в легкие воздуха и шарахнулась в сторону.

Может, бегала я неплохо, но Сашка лучше. Он схватил меня за куртку, сшиб своим весом, я рухнула лицом вниз, дико закричала и закрыла руками голову. Лежала, продолжая повизгивать, в ожидании неминуемой кары. Однако время шло, а ничего не происходило. Полежав так еще немного, я рискнула приподнять голову. Сашка сидел рядом и смотрел сердито.

– Куда это ты устремилась? – любопытствовал он.

– К людям.

– Ясно. А чего руками закрываешься?

– Боюсь, ударишь.

– И ударил бы с удовольствием, только ниже спины. Вставай, дальше пойдем. Еще раз решишь побегать, за штаны держись. Потому как я тебя обязательно поймаю и тогда уж точно всыплю.

– Ты правда драться не будешь? – на всякий случай уточнила я.

– С тобой, что ли? Смех, да и только. Пойдем.

Как только солнце село, похолодало. Поднялся ветер, в воздухе чувствовалось что-то осеннее, а отнюдь не весна.

– На ночлег прибиваться надо, – сказал Сашка.

– Кто же нас пустит? – удивилась я. – Придется всю ночь идти.

– С тобой находишься, – огрызнулся он.

– А ты меня брось, – не осталась я в долгу.

Прошли еще километра три, и тут впереди возник фонарь на пригорке.

– Деревня, – кивнул Сашка. – Там и устроимся.

Я мечтательно вздохнула, подумав о теплой постели. Сегодняшняя пешая прогулка изрядно меня вымотала. Но Сашка растоптал мою мечту, потащив меня к сараю на окраине. Замок на двери висел, но открывался он без ключа. Сашка распахнул дверь и заглянул внутрь.

– Сено. Блеск. Пошли, Марья.

Сообразив, где он собрался ночевать, я не на шутку испугалась.

– Ты что, здесь спать хочешь?

– Конечно. А ты думала – в «Метрополе»?

– Саша, – торопливо забубнила я, – я туда идти не могу, там крысы, я их до смерти боюсь.

– Ты, Машка, дура, прости господи, какие крысы?

– Большие. Саша, ты не заставляй меня, я не могу. Ей-богу, не могу, лучше убей. – Сашка тупо меня разглядывал, а я торопливо предложила: – Ты иди, а я здесь побуду, возле сарая, вон под деревом, я не сбегу и на тебя не донесу. Да и кому доносить, сам подумай? Здесь бабульки одни, по темному дверь не откроют.

– Чего ты городишь? – разозлился Сашка. – Ночью мороз будет, неужели не чувствуешь? Уснешь под деревом и замерзнешь.

– Я не буду спать, я побегаю.

– Да что за черт, пошли быстро! – разозлился он. Я шарахнулась в сторону и завизжала:

– Не пойду! Не могу я, честно! Я в третьем классе вот в таком сарае со стога съехала, а мне мышшь за шиворот попала.

– И съела тебя.

– Нет, не съела, но я до сих пор после этого заикаюсь, когда волнуюсь.

– Ты у меня ушами дергать начнешь, если еще слово ска-

жешь. Идем.

– Не могу я, Саша, – заревела я. – Боюсь я, не могу.

Он замер в дверях.

– Марья Павловна, нет здесь крыс, ну какие крысы? Что им тут жрать-то?

– Вот нас и сожрут.

– Да что ж ты за дура упрямая, – всплеснул он руками, сам чуть не плача. – Давай руку, и пошли. Нельзя на улице, замерзнем, а здесь в сено зароемся. Идем.

Он взял меня за плечи и втащил в сарай, потом со скрипом закрыл дверь. Я стояла зажмурившись, боясь пошевелиться.

– Руку дай, – сказал Сашка. – Иди за мной.

Я преодолела несколько метров, ежесекундно готовясь упасть в обморок. Глаза зажмурила, голову втянула в плечи, а руки сцепила на груди, слыша, как Сашка возится и шуршит сеном, сооружая что-то вроде норы. Наконец он удовлетворенно пророкотал:

– Люкс. Давай сюда. Мышей нет, все ушли в гости в соседний сарай, проверено.

Удивляясь своей живучести, я приземлилась рядом с Сашкой.

– Кроссовкиними, – сказал он.

– Не буду, – испугалась я. – Они пальцы объедают.

– Кто?

– Крысы.

– Насмотрелась чертовщины. Снимай, и носки тоже. На,

возьми сухие.

Сашка дал мне носки, и я с удивлением поняла, что они мои собственные. Он разулся, определил обувь в сторонку и стащил куртку.

– Куртку тоже сними, – поучал он меня ворчливо. – Накроемся, как одеялом, теплее будет.

Мы улеглись лицом друг к другу, я подтянула ноги к животу, так теплее и от Сашки подальше. Через пять минут он спал, а я прислушивалась к тишине: внизу кто-то шнырял и вокруг шуршало. Я лежала и плакала. Спина замерзла, надо бы лечь поудобнее, но шевелиться было страшно. Ко всем моим бедам прибавилась еще одна: очень хотелось в туалет. Промучившись еще с полчаса, я не выдержала и позвала:

– Саша.

Он сразу открыл глаза.

– Ты чего?

– Саша, ты только не злись, мне в туалет надо.

– Ну?

– Я боюсь, там внизу кто-то ходит.

– Кто там ходит?

– Крысы.

– О господи. Дались они тебе, – покачал он головой и проронил со вздохом: – Пойдем. Куртку надень, озябнешь.

Сашка спустился вниз и помог мне.

– Такой сон видел, закачаешься, – заявил он обиженно. – Ты все испортила.

– Я понимаю. Извини, – промямлила я. Сашка открыл дверь, я быстро выскочила. – Ты не уходи, – испугалась, – подожди меня.

– Не уйду, – зевнул Сашка. – Не бойся.

Минут через пять мы опять залезли в нору.

– Ты ко мне прижмись, дрожишь вся, – поучал Сашка. – Ноги сюда давай, вот так, сейчас согреешься и уснешь и ничего не будешь бояться.

От Сашки веяло жаром, как от печки, я потеснее прижалась к нему, он подоткнул мне куртку за спину, руки на моей спине так и остались. Свои я прижала к его груди и уткнулась носом в его плечо.

– Ты засыпаешь быстро, – пожаловалась я. Крысы не давали мне покоя.

– Ага, привычка.

– Слышишь, опять побежали.

– Глупости, просто сено шуршит. Не думай ты о них.

– Поговори со мной немного, может, я усну. Ты спать очень хочешь?

– Уснешь теперь, весь сон перебила.

– Ты не сердисься?

– Чего на тебя сердиться, – хмыкнул он и спросил: – Согрелась?

– Немного, – поежилась я.

Сашка обнял меня крепче, прижал к груди, а я замерла: рука его нырнула мне под свитер.

– Сашка, – испуганно сказала я, он шевельнулся, приподнялся на локте, тихо произнес:

– Красивая ты...

– Сашка, – еще больше испугалась я.

– Помолчи немного, ладно? – попросил он и стал меня целовать.

Я дрожала то ли от холода, то ли от страха, а он ласково говорил:

– Ты не бойся меня, не обижу.

Потом были звезды в дырявой крыше, разбросанная на сене одежда и острое, ни с чем не сравнимое ощущение счастья.

Пропел петух, я открыла глаза, сквозь щели в двери пробивалось солнышко. Я вспомнила прошедшую ночь и зажмурилась. Сашка рядом потянулся с хрустом, позвал:

– Машка, просыпайся, пора мотать отсюда, пенсионеры народ бойкий.

Я подняла голову, старательно избегая Сашкиного взгляда, испытывая неловкость, некстати вспомнив, что я замужем. Тут выяснилось, что я одета, это меня удивило.

– Моя работа, – улыбнулся Сашка. – Боялся, озябнешь. – Он съехал со стога вниз и подхватил меня. – Что, двигаем? – спросил весело.

– Какой у нас следующий пункт? – бойко поинтересовалась я.

– Конечный. Сегодня должны дойти.

К обеду солнце стало по-летнему жарким, мы устроились на пригорке и закусили остатками колбасы. Я разглядывала Сашку, вид его казался мне попеременно то бандитским, то безопасным.

– Сашка, – расхрабрилась я. – Ты из тюрьмы сбежал?

– Из тюрьмы? – поднял он брови. – А... Вроде того.

– Значит, ты от милиции скрываешься?

– Точно. Пятерка тебе за догадливость.

– А можно... – воодушевилась я, но он перебил:

– Нельзя. Честно, нельзя.

– А ты вообще кто?

– Как это?

– Ну, кто ты, что за человек? – Чужая бестолковость слегка раздражала, и я нахмурилась.

– А... да так, бегаю...

– Не всегда же ты бегал. Чем-то еще занимался?

– Да у меня все как-то бегать выходило. Машка, а тебя как в детстве дразнили? – раздвинув рот до ушей, вдруг спросил он.

– Лихоня, – растерялась я.

– Как-как?

– Ты же слышал, зачем спрашиваешь?

– Ладно, не злись. Я думал, тебя Мальвиной звали. Волосы у тебя на солнце голубые. И вообще... красавица ты у нас, девочка из сказки. Как есть Мальвина.

– Ты меня так не зови, меня так папа зовет, а ты не смей! – разозлилась я.

– Ладно, мне что, как скажешь. – Сашка почесал нос, откинулся на руках и стал смотреть в небо, щурясь на солнце и пожевывая. Потом спросил: – А почему Лихоня – фамилия, что ль, такая?

– Ага. Лихович, Лихоня.

– Как твоя фамилия?

– Теперь Назарова, а была Лихович.

– Отца-то как зовут?

– А что? – Теперь я насторожилась.

– А то. Отец-то Павел Сергеевич?

– Да. А ты откуда знаешь?

– От верблюда. – Сашка хохотнул и покачал головой: – Тот-то я удивился, больно ты на папу напирала, когда с муженьком разговаривала, – «скажи папе», ясно.

– Ты чего к моему отцу привязался? – разозлилась я.

– Да нет, не то думаешь, – успокоил Сашка. – Письмо у меня к нему. Надо передать. – Он помолчал немного и спросил: – Машка, а ты знаешь, кто твой отец?

– Мой отец – это мой отец, вот кто. Чем занимается, не знаю и знать не хочу. Зато знаю, что человек он хороший и меня любит. Пожалуй, только он и любит.

– А муж-то как же, Марья?

– А муж – не твое дело.

– Понял. Мне когда толково объяснят, я завсегда пойму. –

В Сашкиных глазах появились два средней величины черта и нахально на меня уставились.

– Саш, а за что тебя посадили? – помолчав немного, спросила я.

– За убийство.

– Что? – Рот у меня открылся, а вот закрываться не желал, хотя я очень старалась.

– Вот до чего доводит любопытство, – развеселился Сашка. – Уже боишься, а тут место тихое, ты да я, и никого больше.

– Врешь ты все. Я тебе не верю. Кого же ты убил?

Сашка насмешливо улыбнулся, вздохнул, сморщил нос и нараспев проговорил:

– Много безвинных душ лишил я жизни, и все они были любопытные.

– Расскажи мне о себе, – попросила я, окончательно уверившись, что он врет и для меня скорее всего безопасен.

– А чего рассказывать? Сама говорила, личность я темная, подозрительная, все так и есть. Ты мне лучше про отца расскажи.

– Не буду. Зачем? – вновь насторожилась я.

– Я ж сказал, письмо у меня к нему. Говорили, он поможет.

Я сверлила взглядом Сашкину физиономию, пытаюсь решить, что на это ответить. Вздохнула и сказала то, что думала:

– Я не знаю, Саша, правда не знаю. Мне папа никогда ничего такого не говорил. А тебе сидеть много осталось? – Бог знает почему, но этот вопрос меня очень волновал.

– Что значит «сидеть»? – удивился Сашка. – Я ж на воле.

– Ты все темнишь, ничего не рассказываешь, – вздохнула я, почувствовав странную обиду и острое желание спасти Сашку от всех возможных бед на свете. – Может, я помогу чем?

– Пошли, помощница, – хмыкнул он, поднимаясь. – Недалеко уже.

Часа в три мы вышли на проселочную дорогу. Сашка бодро печатал шаг, размахивая руками, я трусила рядом и на него поглядывала. Тут из-за поворота возник двухэтажный особняк за высоким забором. Сашка притормозил.

– Пришли мы, Марья Павловна, – сказал он необычайно серьезно. – Тут у меня дельце небольшое, оформлю дельце и тебя домой отвезу. И вот еще что. Ты здесь помалкивай, чья дочь. Поняла?

– Поняла, – кивнула я и сразу спросила: – А почему?

– Отца твоего здесь не любят, но очень уважают. Смекаешь?

– Нет, – честно созналась я. Сашка почесал нос и кивнул:

– И не надо. Молчи, и все.

У калитки был звонок, Сашка позвонил, и из дома вышел здоровенный тип в куртке нараспашку, увидев Сашку,

заулыбался.

– Какие люди. Здорово, Саня. – Тут он покосился на меня и присвистнул: – А это откуда?

– На дороге нашел, – хмыкнул Сашка.

– Надо же, – подивился парень. – Вроде не дурак, а везет.

– Так ведь нечасто, – развел Сашка руками.

Мы вошли в дом. Он выглядел огромным и каким-то нежилым, точно построить его построили, но заселить забыли, а может, надобность в жилье отпала. Комнаты были наполовину пусты, почти все окна без занавесок, пахло лаком и краской. Правда, в кухне царил образцовый порядок. Дорогой гарнитур, французская газовая плита и два холодильника, огромные и тоже импортные.

Встретивший нас тип снял куртку, указал мне на стул и направился к плите. Поставил чайник, потом пошарил в холодильнике, собрал на стол кое-какой снеди. Хитро подмигнул нам и сказал:

– Угощайтесь. Как говорится, чем бог послал.

Сашка сразу же стал угощаться, да и я себя упрасивать не заставила. Тип, с которым меня забыли познакомиться, поглядывал на нас и выглядел очень довольным.

– Что, Сережа, приютишь? – спросил Сашка.

– А чего ж нет, – удивился тот. – Наверху все комнаты свободны. Занимай.

Сашка удовлетворенно кивнул, торопливо доел последний кусок и сказал Сереже:

– Давай-ка выйдем на пару минут.

Отсутствовали они минут пятнадцать, я уже начала томиться, потому что в чужом доме чувствовала себя крайне неудобно. Тут Сашка заглянул в кухню и позвал меня. По лестнице с резными перилами мы стали подниматься на второй этаж.

– Саша, когда домой? – спросила я. Ни этот особняк, ни его хозяин мне не нравились. Я была готова отшагать еще километров двадцать, лишь бы здесь не задерживаться. Опять же было неясно, какое у Сашки в этом месте может быть дело? Планами он со мной не делился, и это беспокоило. Бог знает почему, но дом за высоким забором представлялся мне разбойничьим вертепом.

– Я ж сказал, дело сделаю, отвезу, – ответил Сашка, слегка недовольный.

– А телефон здесь есть, мне бы отцу позвонить? – не унималась я.

– Телефон есть, а звонить нельзя, – посуровел он.

– Да я только...

– Нельзя, – повторил Сашка.

– А мы здесь долго?

– Не надоедай.

– Ладно, не буду. А помыться здесь можно?

– Можно. Душ, третья дверь слева.

Я вздохнула, косясь на него, и решила порадоваться тому, что хотя бы душ есть. Сашка привел меня в просторную

комнату с большим окном, выходящим на веранду. Мебель в комнате имелась, и даже с избытком, но все равно вид у нее был какой-то нежилой. Я огляделась, вздохнула, а Сашка сказал:

– Располагайся. – Опять ненадолго ушел, а вернулся с полотенцем и махровым халатом. – Чувствуй себя как дома, – заявил он, проникновенно улыбаясь мне.

Кивнул и удалился, а я вымылась, испытывая чувство, близкое к блаженству, накинула халат, принесенный Сашкой, и стала расчесывать волосы, стоя перед зеркалом. Неожиданно открылась дверь, и вошла женщина. Я обернулась, порадовавшись, что в доме есть хозяйка, но радость моя мгновенно поухнула: женщина стояла на пороге и смотрела на меня без всякого удовольствия. Более того, как-то угадывалось, что она бы с радостью меня придушила. Повода для такого отношения к своей особе я не видела и оттого разозлилась. Улыбку с лица убрала, поздороваться забыла и стала ждать, что будет дальше.

– Так, – сказала она наконец. – Это тебя Багров притащил?

Я молчала, выражение ее лица мне очень не нравилось. Ясно, что Багров – это Сашка и что она интересуется им не просто так. Женщина прошла, села в кресло, взяла сигарету, но не закурила.

– Чтоб ты знала, дорогуша, – процедила она насмешливо, – когда Багров сюда наезжал, то спал со мной, и ему это нравилось.

– Так это ж раньше, – ответила я, пытаюсь понять, чего мне больше хочется: зареветь или вцепиться ей в волосы.

– Вот, значит, как, – хмыкнула она. – Любовь?

Я приподняла брови и сказала удивленно:

– Мне кажется, это не ваше дело.

– Пусть не кажется. Откуда ты взялась такая? – Она была раздражена и даже не пыталась скрыть это.

Я села в кресло, но отвечать не собиралась и молча разглядывала ее. Приходилось признать: красавица, правда, заметно старше меня, но я ни ходить, ни смотреть, как делает это она, не умею. Тут мне пришло в голову, что Сашка может разозлиться из-за того, что я вмешиваюсь в его дела. А если он ее любит? Желание вцепиться ей в волосы стало еще острее. С трудом подавив этот порыв, я сказала:

– Не знаю, что вы подумали, мы с Сашей давние знакомые. Учились вместе.

– В одной колонии, что ли? – фыркнула она. – Так там вроде мужики и бабы отдельно?

– Не всегда же он в колонии сидел? – растерялась я.

– По мне, так он там и родился, – усмехнулась женщина. – Дура ты. Насквозь я тебя вижу. Интеллигентная. Учительница, что ли?

– Нет, – бог знает почему испугалась я.

– Ну, все равно с институтом. И что это маменькиных дочек всегда тянет на шпану? Кольцо на пальце носишь, мужняя жена, а с Багровым связалась. Дура.

Это показалось обидным, потому что походило на правду. Я нахмурилась, глядя на женщину исподлобья, и сказала, теряя терпение:

– Я ведь вам объяснила...

– Что ты с ним в одном классе училась? – хохотнула она. –

Нарочно не придумаешь, он лет на десять старше тебя.

– Слушайте, это ваша комната?! – рывкнула я.

– Здесь все комнаты мои.

– Хорошо, я на веранде постою.

Кусая губы, я вышла на веранду и с досадой подумала, что это не самое удачное место после душа и долго я тут не простою, начну шмыгать носом и клацать зубами. К счастью, женщина ушла почти сразу, а через пару минут явился Сашка.

– Машка! – крикнул удивленно. – Ты где?

Я похлопала ресницами, выровняла дыхание и вернулась в комнату.

– Чего на веранде стоишь? – подивился Сашка.

– Ничего, – хмуро ответила я, отводя взгляд.

– А почему глаза красные? Светка была? – проявил он сообразительность. Поговорить о Светке я была не прочь, очень она меня интересовала.

– Темные волосы, красная помада и бюст, как два арбуза? – уточнила я.

– Точно, – обрадовался Сашка. – Бюст у нее – полный отпад. Из-за нее, что ль, сердитая? Брось, пустое дело.

Я отвернулась, кусая губы, и сказала с отчаянием:

– Домой хочу.

Сашка сел в кресло, взял меня за руку и заявил совсем другим тоном:

– Машка, помоги мне.

Я резко повернулась и уставилась в его лицо. Был он серьезен и чем-то явно озабочен, никакого намека на веселых чертей в глазах. Стало ясно: он в беде и, кроме меня, никто ему не поможет (очень мне хотелось так думать).

– Я помогу, – сказала торопливо. – А что делать-то надо, Саша?

– Ты сядь, – кивнул он. – Объясню.

Я села в кресло, тараща глаза на Сашку, он придвинулся ко мне, поразмыслил о чем-то и тихо сказал:

– Машка, никакой я не уголовник. Я в милиции работаю. В шестом отделе. Знаешь, что это?

– Нет.

– Отдел по борьбе с организованной преступностью. У меня задание, очень важное. Поняла?

– Сашка, ты на милиционера не похож, – растерялась я.

– Ну, ты даешь, – покрутил он головушкой. – Ты прикинь, если б я на милиционера был похож, долго бы здесь продержался?

– Где здесь? – испугалась я.

– Ну... – В этом месте Сашка почесал нос и продолжил с чувством: – Я тебе все рассказать не могу. У меня задание

повышенной секретности, сама понимаешь. Один я остался, Машка. Помощь мне нужна.

Он вздохнул и стал смотреть в угол, а я торопливо спросила:

– А что делать-то, Саша?

– Может, ничего и не придется, – блуждая в мыслях очень далеко, ответил он. – Рядом будь. В случае чего, пойдешь в шестой отдел с важными сведениями.

Тут я вспомнила про отца и побледнела:

– Ты зачем про отца выспрашивал? Ах ты, гад!

Я вскочила с кресла и на всякий случай стала приглядывать, чем бы огреть Сашку по голове. Он мой взгляд понял правильно и поспешил утешить:

– Тихо, не буйствуй. Отец твой ни при чем. У меня интересы другие, твоему отцу они даже на руку.

– Откуда мне знать, что ты не врешь? – не поверила я, хоть поверить очень хотелось.

– Ты сама подумай, я тебе честно говорю, кто я, тебе стоит выйти за дверь и слово сказать, и от меня только мокрое место останется. Ну, где мне врать в такой ситуации? Одна надежда на тебя. – Сашка запечалился еще больше.

– Поклянись, – помолчав с минуту, попросила я.

– Век свободы не видать, – серьезно сказал Сашка, а в глазах его опять появились черты, появились и исчезли. Тут до меня дошло, что если Сашка работает в милиции, значит, ни из какой тюрьмы он не бежал и его обратно не посадят.

Это меня так обрадовало, что я забыла про Светку. – Ну, поможешь? – спросил он хмуро.

– Конечно, – заторопилась я. – Только ты ведь опять темишишь, толком ничего не объясняешь.

– Почему не объясняю? – вроде бы обиделся Сашка. – К примеру, домой тебе сейчас нельзя. Нужно остаться со мной. Причем знать об этом никто не должен. Даже отец.

– Саша, да я только позвоню, чтоб он не беспокоился.

– Вот видишь, какая ты. – Он тяжело вздохнул и посмотрел на меня с обидой. – Говоришь «помогу», а как доходит до дела...

– Что плохого в том, чтобы позвонить отцу? – удивилась я.

– Он вопросы задавать начнет. Ты, Машка, как будто детективов не смотрела. Я ж объясняю: нельзя.

– А я отвечать на вопросы не стану. Скажу: «Папа, у меня все в порядке» – и повешу трубку. Когда твое задание кончится, я все ему объясню. Папа поймет.

– Ты скажешь вот так и напугаешь его еще больше.

Мы замолчали и сидели так довольно долго, пока я наконец не спросила:

– Саш, а дело действительно важное?

– Очень, – сурово покивал он. – Дело такое... Я тебе больше скажу: от того, будешь ты рядом или нет, зависит моя жизнь. Не могу я здесь никому довериться, и связи у меня нет. Человек, который меня сюда послал, сейчас в больнице, а у мафии везде свои люди, даже у нас. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула я, приоткрыв рот. Сашка был в большой опасности и нуждался в помощи, этого было достаточно, чтобы личные соображения отошли на второй план.

– Спасибо тебе, – сказал Сашка и поцеловал меня в лоб. – В общем, я надеялся, что ты поможешь. Спасибо. Рад, что не ошибся в тебе. – Он опять поцеловал меня, на этот раз в нос, а средней величины чертик появился в одном зрачке и торопливо растворился.

– Что же мы делать будем? – немного посидев в прострации, спросила я.

– Мне надо в город. А ты здесь останешься. – Заметив, что я сдвинула брови, Сашка торопливо добавил: – Вся операция займет несколько дней, думаю, в неделю управлюсь.

– Ты хочешь сказать, я останусь здесь без тебя? – наконец-то дошло до меня.

– Ну вот, уже капризы, а обещала помочь.

– Саш, я не отказываюсь, но чего мне здесь делать?

– Меня ждать. Съезжу в город, вернусь...

– Подожди, а мне в город с тобой нельзя? – Перспектива сидеть здесь без Сашки повергла в ужас.

– Объясняю для бестолковых: нельзя, чтобы тебя кто-то видел. Начнем с тобой мотаться туда-сюда, обязательно засветимся. В городе явочная квартира под наблюдением мафии, а другой нет. Теперь поняла?

– А моя квартира не подойдет? – спросила я торопливо. Сашка только головой покачал:

– Ну, Машка, ты даешь. А муж, а отец, а соседи?

– Подожди, сейчас я тебе объясню, – затараторила я. – Мы с мужем живем в двухкомнатной на Тимирязева, а до этого жили в однокомнатной в Южном, квартира там так и осталась, мы разменять хотели, но все не получалось. В общем, ни Димка, ни отец туда не заезжают, зачем? Ключи у меня с собой. А там мебель и даже кое-какая одежда. Только холодильник пустой. Вот.

Сашка задумался.

– Телефон есть, – торопливо добавила я.

– А что, – через пару минут сказал он, – внимания мы там не привлечем?

– Да кому мы нужны? Мы там уже полгода не живем, я захожу при случае, и все. Если и увидит кто, не удивится: зашла и зашла. И твоя мафия уж точно нас по этому адресу искать не будет. Опять же – у меня там одежда. Посмотри, на кого я похожа? Свитер надевать противно.

– Ты, Машк, похожа на Мальвину, вот на кого. В любом свитере – красавица. И вообще, ты молодец. Что бы я без тебя делал? Пропал бы, ей-богу.

– Поедем? – с надеждой спросила я.

– Поедем, – вздохнул он.

– Когда?

– Да хоть сейчас, ключ-то с собой, говоришь? Здесь недалеко автобусная остановка, пойду у Светки узнаю, когда автобус.

В город мы приехали около восьми, успели заскочить в магазин за продуктами и отправились в Южный район. В квартире Сашка отправился мыться, а я прибралась немножко и задумалась об ужине. Сашка вышел из ванной и сразу оторвал меня от плиты.

– Отдыхай, Марья Павловна, сегодня шеф-повар я. Таким ужином тебя накормлю, закачаешься.

Он подвязал мой старенький фартучек и принялся за работу. Выглядел очень по-домашнему, мило и успокоительно. Я сидела за столом, мечтательно на него поглядывала и думала, что счастье – это очень просто: это когда Сашка в моем фартуке чистит картошку, а я сижу и пристаю к нему с глупыми вопросами.

– А у тебя звание какое? – спросила я.

– У меня? Капитан.

– А это большое звание или нет?

– Как тебе сказать, среднее. Не то чтобы большое, но и не маленькое.

– А живешь ты где?

– Меня из района командировали, чтоб, значит, местная публика обо мне не знала.

– Саш, а ты женат? – наконец решила спросить я.

– Нет, – хохотнул он. – Не женат. Ни детей, ни алиментов. Правда, бесквартирный, и зарплатка у меня махонькая, а бегаю, как видишь, много. А чего спрашиваешь-то, Маш-

ка? Никак замуж собралась?

– А ты возьмешь?

– Так ты вроде замужем, – удивился он.

– То-то и оно, что «вроде». – Я вздохнула. – Мы с Димкой неважно жили, а теперь и вовсе... Или из-за того, что отец у меня... Не разрешат тебе, да?

– Жениться на тебе, что ли? – развеселился он. – Почему не разрешат? Вот выполню боевое задание, скажу начальству: «Премию оставьте себе, а мне разрешите жениться на Машке». Разрешат. Им же выгодней.

– Ты, Саш, извини, все это как-то по-дурацки получилось. – Мне вдруг стало так больно, что слова из груди пробивались рывками. – Я вообще не умею разговаривать с мужчинами, говорю, что думаю, – выходит глупо, молчу – еще больше на дурачку похожа. Наверное, во мне нет чего-то такого, существенного.

– Все существенное у тебя на месте, можешь мне поверить, – улыбнулся он. – Просто ты фантазерка. Посмотри на меня, ну на кой я тебе черт? Это в тебе романтизм играет: задание, мафия и все такое. Я, Машк, типичный мент: исполнительный и нудный, дома ленивый, а на работе начальства боюсь. Ей-богу. Буду вечерами на диване с газетой лежать, надоем через неделю. – Он вздохнул и добавил: – Давай ужинать.

Питаться желания не было и на Сашку смотреть тоже, хотелось к отцу, прижаться к его плечу и реветь. Ужинали мол-

ча, я чувствовала, что Сашка меня разглядывает, но глаз не поднимала.

– Машка, ты никак обиделась? – спросил он.

– Нет, – покачала я головой. – На себя обижаться глупо, а на тебя не за что.

Он стал мыть посуду, а я пошла в комнату, готовиться ко сну. Сашка заглянул туда, увидел, что я постелила ему на диване, усмехнулся.

– Отделяешь, значит? – спросил весело.

– Отделяю, – кивнула я.

– А вдвоем теплее.

– Здесь не в сарае, не замерзнем.

– Ну чего ты злишься? – Он подошел поближе и вздохнул жалостливо: – Рожца кислая, улыбнись, а? Когда смеешься, ты мне больше нравишься.

– А ты мне меньше. Помочь тебе помогу, если обещала, а все остальное... в общем, давай помнить, что я замужем.

– Что ж, дело хозяйское. – Сашка разделся и завалился спать.

Я тоже легла. Сон не шел. Шевелиться я боялась. Хотя Сашка и спит как убитый, демонстрировать свое состояние все же не стоило. Я тарасилась в потолок, усердно глотала слезы и думала, почему это в моей жизни все так по-дурацки? Размышления на эту тему меня очень увлекли, так что я не сразу сообразила, что Сашка вовсе не спит. Он вдруг поднялся и сел ко мне на кровать.

– Ну, что слезами-то давишься? – спросил он со вздохом, протянул ко мне руку, а я ее сбросила.

– Извини, что мешаю, – торопливо вытерев глаза, сказала я. – Думала, ты спишь, ты же быстро засыпаешь.

– Уснешь с тобой, как же.

– Извини.

– Ну что ты заладила, как попугай, извини, извини? Не за что мне тебя извинять. – Он вроде бы разозлился.

– Я знаю, что веду себя глупо, как в анекдоте про девицу, – хмыкнула я. – Ее парень на ночь подобрал, а она утром спрашивает, куда шифоньер поставим.

– Не про тебя анекдот.

Я пожалала плечами, вовсе не поверив Сашке. Поднялась:

– Что-то не спится мне. Пойду постою на балконе.

Я накинула халат и вышла. Глядя на огни ночного города, пыталась убедить себя, что жизнь прекрасна. Через минуту на балконе появился Сашка.

– Шел бы ты отсюда, – попросила я. Видеть его не хотелось.

– Машка... – вздохнул он.

– Помолчи, а? То, что я хочу услышать, ты не скажешь, а про то, какая я хорошая и какой ты плохой, мне слушать неинтересно. Иди спи. У тебя боевое задание.

– Не могу я спать, когда ты тут одна стоишь и забиваешь себе голову чепухой, – разозлился он.

– Голова моя, хочу забиваю, хочу нет.

Было холодно, я поежилась, подумала об отце и о Сашке, конечно, тоже. Он спросил:

– Озябла? – И обнял меня. Рядом с ним было тепло и надежно, и плохого думать не хотелось. – Давай я тебя поцелую? – тихо сказал он и поцеловал. Не один раз, конечно. И все перестало иметь значение, я обняла его, а он подхватил меня на руки, как подхватывал в детстве отец, и пошел в комнату. Он был так нежен, что надобность в словах отпала, не нужны были слова, а когда я начинала что-то торопливо шептать, Сашка говорил «молчи» и зажимал мне рот. И я молчала.

Я открыла глаза, потянулась и взглянула на часы: почти пять. Сашки рядом не было. Приподняв голову с подушки, я покрутила ею немного и тут его увидела: Сашка стоял в прихожей и разговаривал по телефону. Но поразило меня не то, что Сашка в пять утра с кем-то беседует, а он сам, точнее, его лицо. В нем не было и намека на обычную насмешку, дурашливость и дерзость, лицо было жестким, даже злым и очень неприятным. Я испугалась, но лишь на минуту, потом вспомнила, каким Сашка был этой ночью, зевнула, сладко потянулась и с головой нырнула под одеяло. Звонит кому-то, ну и что, у него боевое задание.

Он разбудил меня часов в девять. Лизнул в висок по-кошачьи и засмеялся, глаза я не открывала и улыбку прятала,

но губы дрожали, и Сашка шепнул мне на ухо:

– Не прикидывайся. Что снилось?

– Ты снился, – засмеялась я.

– Хороший сон, – кивнул он и тоже засмеялся.

Я легла на спину, потянулась и стала его разглядывать. Он успел побриться, выглядел молодцом, а с кухни доносился запах кофе.

– Завтрак готов? – спросила я.

– В постель прикажете?

– Нет, встану, подай халат и тапочки.

– Со всем нашим удовольствием.

Мы завтракали, хохоча и дурачась, Сашка убрал посуду, сел напротив меня и заговорил серьезно:

– Так. Первое. Можешь позвонить отцу.

– Правда? – обрадовалась я.

– Правда, – кивнул он. – Вижу, как ты мучаешься, а у меня от твоих мук просто сердце кровью обливается. Но и меня пойми, лишнее слово скажешь, и это может быть...

– Саш, да я только... – хватая его за руку, начала я.

– Короче, отец снимает трубку, ты говоришь: «Папа, со мной все в порядке», – и трубку вешаешь. Понятно?

– Хорошо. – Я торопливо кивнула.

– Второе. Деньги нужны. Само собой, верну, когда все закончится.

Я метнулась в прихожую за кошельком, заглянула в него и сказала испуганно:

– Почти ничего не осталось.

– Плохо. Ладно, буду думать.

– Я занять могу, – предложила я, а Сашка разозлился:

– Опять? Ну нельзя тебе нигде появляться. Сколько раз говорить?

– У меня в банке есть, в банке мне появиться можно?

– А бумаги где?

– Бумаги дома.

– Вот видишь. – Он вздохнул.

– Но ведь я могу сходить домой. У нас телефон на углу, позвоню, если Димки нет, быстренько сбегаю.

– А соседи?

– Утром все на работе.

– Не пойдет. Обязательно на какую-нибудь бабку нарвешься.

– Ну и что, Саша?

– Слушай, это не игры, все очень серьезно. Из деревни мы ушли вместе, дома ты не появилась, дурак поймет: где ты, там и я.

Сашкины слова особого впечатления не произвели, но спорить я не стала, в таких делах он смыслит больше меня.

– Поняла, Саша. Но если ни к кому нельзя, где же взять денег?

– Так, – потер он ладонью колено. – К тебе пойду я. Давай ключ и объясни, где бумаги.

– Господи, а если тебя поймают?

– Не поймают. Позвоню, войду в квартиру, дело двух минут.

– А если там ждут?

– Я не ты. Оторвусь. И «хвост» сюда не приведу. Ученый.

А ты квартиру враз засветишь.

– А когда можно будет позвонить папе?

– Когда вернусь. Деньги в каком банке?

– В «Менатепе».

– Значит, так. Я еду к тебе на квартиру, а ты в банк. Там рядышком скверик, уютный такой, в нем и подождешь. Только аккуратней, глаза людям не мозоль.

Ждала я его минут двадцать, сидела на скамейке, поглядывая по сторонам, тут Сашка меня окликнул, и я заспешила к нему.

– Все в порядке? – спросила испуганно, хотя по его физиономии было ясно: в порядке.

– А то... – Сашка протянул мне мой паспорт и банковский договор о вкладе.

– Сколько снимать? – задала я вопрос.

– Всё. Потом рассчитаемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.